

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Сиреневый туман

Расул Анварович выгрузился из машины, на ходу ослабляя галстук. В полуобороте кивнул водителю: «До завтра», вдыхая легкий загородный воздух. Ранняя июньская жара накрыла поселок предгрозовым зноем. Пахло скошенной травой и осыпающейся сиренью. Висело неподвижное марево кустистых облаков. Расул Анварович неторопливо направился в сторону дома, туда, где с участка раздавались девичьи крики и смех. Еще издали был виден высоко взлетающий над кустами сирени в белых перышках воланчик: Зарема играла с подружкой в бадминтон. Над зеленой лужайкой ввинчивался в небо столбик света — худенькая белобрысая Анютка, вся в белом, блестящей пружинкой взлетала над фигурной плиткой дорожки, зависая на рвущейся в небо ракетке. Ультракороткие шорты, топик, кроссовочки, бейсболочка.

Мускулистые голые ноги, тронутые первым загаром, плоский, подтянутый живот — Расул поморщился: что за наряд для молодой девушки! Его Зарема, даром, что ровесница, выглядела намного старше и солиднее. Высокая, с длинной черной косой, в модном платье в актуальный горошек — настоящая восточная девушка из приличной семьи. Анютка, заметив его, вдруг с разбегу завинтила резаную подачу, Зарема, неловко споткнувшись и чуть не упав, кинулась вперед, но не успела. «Зяааа! Опять тупишь! Сколько я с тобой еще буду мучиться, а?» — радостно заорала Анютка. Расул Анварович снова поморщился: он не одобрял этой дружбы. Но кто бы его спрашивал?

Лет десять назад Расул перебрался поближе к родственному бизнесу, выстроил коттедж в модном поселке и перевез сюда руссконеговорящую семью. Зарема должна была здесь пойти в школу. Пойти-то она пошла, но — Расул Анварович не жалел денег на репетиторов и финансовых вливаний в гимназию. Все было напрасно. Выросшая в строгом семейном воспитании, Зарема шарахалась от всех — репетиторов, учителей, одноклассников, соседей — И, чаще всего, просто не понимала, чего от нее хотят. Она бы, наверное, не закончила и первый класс, но тут в их жизни появилась шустрая, любопытная соседская Анютка. Случайно забежала к ним по-соседски, да так и осталась навсегда дружить с его дочерью.

Все 18 лет девочки были неразлучны. Точнее, Анютка прочно прописалась в их доме.

Давным-давно ее семья переехала в бабушкин домик, продав единственную квартиру и вложив все деньги в маленький бизнес — спортивный клуб. Родители, бывшие спортсмены, оба светлокожие и голубоглазые, жили спортом и своим делом. Отец занимался развитием и безопасностью, мать вела фитнес и бухгалтерию. Начав с маленького тренажерного зальчика в полуподвале, они со временем создали уютный спортивно-оздоровительный центр со множеством направлений, а старенький домик постепенно превратился в комфортный коттедж. Анютка росла среди натужно качающихся мужиков и старательно взмахивающих ногами девиц. Сколько себя помнила, занималась каким-то спортом. Плавание, гимнастика, бег, коньки — Родители беспрекословно вкладывались в ее спортивные результаты, впрочем, предоставляя самой возможность выбирать свой путь. В результате, с 18 лет Аня плотно занялась бадминтоном и к окончанию школы имела первый юношеский. Ей все давалось легко — она с малолетства привыкла пахать и отвечать за себя. Родители были классными, компанейскими, но чаще занятыми друг другом и своей жизнью. Они часто

пропадали в командировках и путешествиях, и Анютка постоянно паслась у Заремы. Крупная, круглолицая, улыбчивая Малика Вахитовна, редко покидавшая свое семейное гнездышко, была до безумия радушна и гостеприимна. Расспрашивала Анечку о делах, кормила чем-то божественным из национальной кухни и всегда брала на прогулки в город вместе с дочерью. Расул Анварович же с трудом переносил чужих людей в своем доме. Хваленое восточное гостеприимство было адресным: для «своих». Все домашнее хозяйство вела жена, изредка подключая приходящего садовника и помощницу. Лишь для Анютки Расул, скрепя сердце, делал исключение. Ведь именно благодаря общению с шустрой, непосредственной подружкой, Зарема быстро заговорила по-русски, снова научилась смеяться и даже шалить. Да и школьные оценки перестали быть сильно натянутыми. Анечка дневала и ночевала в их доме, пока ее родители предоставляли ей максимум самостоятельности. Расул Анварович в глубине души презирал их за небрежное отношение к воспитанию дочери. Что за занятие для девушки — спорт! Он никогда не отпустил бы свою дочь туда, где потные полуголые девицы задыхаются перед зрителями в азарте спортивной борьбы. Зарема готовилась в медицинский — лучшая профессия для женщины. Отучится, выйдет замуж за приличного мужчину из их круга (кое-кто уж был на примете), продолжит род и ведение бизнеса. А куда пойдет эта шалавистая Анечка? Что за жизнь для девушки: тренировки до седьмого пота, сборы, лагеря, соревнования; Даже страшно представить, как они там живут в этих сборных. Друг на друге, наверное. И какое будущее у них после тридцати;

Правда, в последнее время Анечка забегала все реже — обе сдавали экзамены, но всегда — как к себе домой. Это сильно раздражало его. Дома трудно было расслабиться — он постоянно наткнулся на вездесущую девчонку — на диване в гостиной с пультом, в кухне со стаканом лимонада, выходящей из ванной с мокрыми руками; Это бесило его до невозможности. Но он молчал, лишь изредка кидая в ее сторону уничижительные взгляды. Когда-то давно он пытался поговорить об этом с женой и дочерью. Зарема устроила нечеловеческую истерику, кричала, что Аня — ее единственная подруга, и зачем он увез ее с родины от бабушки и двоюродных сестер. Малика лишь испуганно махала руками, умоляя мужа не быть строгим к девочкам. Расул плюнул и махнул рукой;

— Папа! — подлетела, запыхавшись, Зарема. — Мама сказала: скоро обедать; Расул Анварович поцеловал ее в лоб, коротко кивнул смеющейся Анечке и углубился в сад. Ему надо было отдохнуть и подумать. Тяжело на ходу менять в кризис постоянных партнеров, подбирать новых людей. В его возрасте живут привычками, а не крутят носом по ветру, подобно степным волкам;

Ухоженный руками его жены, сад благоухал ирисами, ландышами, гвоздиками, пестрел васильками, незабудками, маргаритками и бог знает, чем еще. Набухал нежными бутонами жасмин. Особенно Малика любила сирень. Розовую, белую, бледно-голубую, ярко-фиолетовую, буйно растущую, забивающую весь участок, манящую своей таинственной прохладой, хлещущую мокрыми после дождя кистями по лицу, дурманящую расплывающимся в ночном воздухе ароматом; Садовая дорожка, ведущая в глубь участка, к гостевому домику, нырнула в густой сиреневый туман. Расул задумчиво сорвал один лепесток — редкий, пятипалый. У Заремы и ее сверстников существует поверье: если отыскать в гроздьях сирени такой лепесток и проглотить его, обязательно получишь пятерку на экзамене. Он усмехнулся и чуть смягчился. Присел на скамейку возле гостевого домика. Закрыв глаза, попытался сосредоточиться на делах. Но перед глазами стоял лишь

отпечатавшийся на сетчатке летящий вверх столбик света.

— Дева-ачкии!! Куши-ить! — раздалось от коттеджа. Малика звала обедать. Расул неспешно повернул к дому, занятый своими мыслями. Какое-то движение привлекло его внимание. Он остановился и оторопел. Под кустом сирени, рядом с дорожкой, на корточках застыла Анечка. Она обескуражено глядела на него снизу вверх, придерживая рукой шорты ниже колен. Прозрачная, светлая струйка, журча, пенилась в свежескошенной траве газона. Голубые глаза растерянно хлопали. Злобная гримаса исказила лицо Расула Анваровича: опять эта#8230; в его доме#8230; верх неприличия и бесстыдства#8230; Он обжег бессовестную девчонку испепеляющим взглядом, намереваясь презрительно пройти мимо и сегодня же поговорить с Маликой. Но тут что-то неувовимо изменилось в Анечке. Выражение смущения на ее лице сменилось циничной усмешкой, глаза сузились, губки раздвинулись, выпустив соблазнительный, манящий язычок погулять на свободу. Язычок прошелся по кайме губ, высунулся, изгибаясь змейкой. Нюта медленно, демонстративно выпрямилась во весь рост, открывая взору мускулистые, голенастые ноги в белых кроссовках, стреноженные белыми шортами. И там, в укромном месте, покрытые белесым пухом, идеальной формы пухлые подушечки с плотно сжатыми между ними розовыми лепестками. На самом кончике лепестка дрожала блестящая капелька, готовая вот-вот сорваться. И когда это произошло, и по нежной ляжке побежал прозрачный след, в голове Расула Анваровича что-то сорвалось и застучало. Запрокинув голову и продолжая плотоядно облизывать губы, Анечка опустила на белесый лобок тонкие пальчики с короткими ногтями, скользнула вниз, туда, в промежность, раздвигая розовые губки и беленькие подушечки, заскользила пальцем взад-вперед между влажных лепестков, слегка задыхаясь, посылая ему взгляд одновременно невинный и развратный. Надув губы, и словно удивляясь самой себе, другой рукой приподняла топик, обнажив не знающие бюстгальтера маленькие грудки с объемными, как тело соски-пустышки, выступающими сосками. Ущипнула один из них, зажмурилась, откинув голову, теряя бейсболку, обнажившую белокурый пух стриженных волос, легонько застонала, подаваясь бедрами вперед, навстречу шаловливой ручке#8230;

— С-с-сучка! — налитые кровью глаза затянула волна мутной ярости. Сердце подпрыгнуло куда-то в горло, руки сами собой сжались в кулаки. Он плохо помнил и понимал, что с ним происходило, но с отвращением ощущал невесть откуда нахлынувшее дикое возбуждение. Пряный запах осыпающейся сирени наполнил все его существо. Маленькая капелька на розовом лепестке кап-кап-кап — долбила мозг. Пьянила терпкая горечь ненависти, туго замешанной с желанием. Он шагнул навстречу, и Анечка испуганно отшатнулась, словно ожидая удара. Страшно коверкая слова, с невесть откуда взявшимся чудовищным акцентом, хрипло выплюнул: «Как! Ты! Смэеш! В моем доме! Ты! Д#187;эвушка! Как т#187;эбя воспитали#8230;»

Резко одернул на ней топик, жёстко подтянул и рывком застегнул сползшие шорты. Замер, тяжело дыша, словно готовый ударить#8230;

Анютка ждала, вжав голову в плечи. Чего ее понесло так безобразно дразнить этого старого барана — Заремкиного папашу, она и сама не знала, больно уж выбешивал его презрительный, высокомерный взгляд. Но, вот, что будет сейчас, даже и представить страшно#8230;

#8230; Она осознала, что почти летит, мелькая кроссовками над дорожкой, а он, с налитыми кровью глазами, жестко схватив ее за руку, на бешеной скорости тянет ее за собой

к гостевому домику. Резко вталкивает внутрь и одним движением, навалившись всем телом, уперевшись в пах жесткой эрекцией, припечатывает изнутри к входной двери. Попалась!… Он тяжело дышит в испуганное юное лицо — они почти одного роста. Заремка пошла в мать. Он же был невысок, хотя, в молодости красив и хорошо сложен. Впрочем, это мало интересовало Расула. Мужчина не должен вертеться перед зеркалом, словно глупая женщина. Его задача — как можно лучше защищать и обеспечивать свою семью. Да и женщина… Хорошая женщина — это заботливая мать и послушная жена, а не эти…

… В паху натурально ломило. Давно уже он не испытывал подобного по силе возбуждения. Лет с тринадцати, когда мучительно и чуть ли не круглосуточно, блядь, и не знаешь, куда деваться среди строго воспитанных красивых, черноглазых девушек. И от этого «нельзя» еще сильнее хочется.

«Ты хочешь этого?» — хрипло спросил он, глядя в лицо. В голове пульсировало «Нельзя, нельзя!», но губы сами выплевывали: «Хочешь быть шлюхой? Хочешь, чтоб тебя трахнули?» Анечка и сама не знала, не понимала, чего хочет, зачем затеяла эту острую, жестокую игру с высокомерным Заремкиным папашкой. Пожалуй, было уже невыносимо чувствовать в его присутствии себя чужой в этом давно ставшем ей родным доме.

… Это началось примерно с их с Заремкой лет тринадцати. Анварыч с каким-то брезгливым неодобрением стал поглядывать на ее голые вытянувшиеся ноги, проступающие под топином холмики набухающих грудей, короткие шортики и открытые маечки. В то же время он стал с особой тщательностью следить за соблюдением Заремкой особого дресс-кода — туго заплетенных кос и длинных, дорогих, но скромных платьев. Встречаясь с Анютой взглядом, он одарял ее презрительной гримасой, стараясь скорее пройти мимо. Но Малика была неизменно мила и приветлива, и Анютка вскоре перестала обращать внимание на строгого папашу. Все-таки, Зяма была ее лучшей подругой!

И лишь с течением времени, по мере ее взросления, в голову ее стала закрадываться смутная догадка. Слишком частыми, долгими, страстными и сверкающими были эти презрительные взгляды. К окончанию школы она уже успела расстаться с детской наивностью, и многое не было для нее секретом. Но, все же, этот мрак следящих за ней жгучих черных глаз завораживал и страшил ее. От этого взгляда перехватывало дыхание, и странно сжимался низ живота.

… Откровенный, ненавидящий взгляд. Глаза в глаза. Нет, не надо! Она же просто пошутила.

— Я просто пошутила, — испуганно лепечет Анечка. — Расул Ан… Он жестко перехватывает ее горло, заставляя глядеть в глаза. Другая рука спускается вниз по животу и упирается в шорты. Он отчаянно пытается пропихнуть ладонь за пояс, забыв, что две минуты назад самолично застегивал их на молнию с пуговицей. Напряженно тянет жесткие, вспотевшие пальцы, туда, вниз, в запретное лоно, задыхаясь, путаясь в словах, с каким-то жутким акцентом:

— Ты нэ» знаешь, что так н»эльзя? Н»эльзя так шутить с м»ужчинами! Т»ак в»эдут сэбя последние шлюхи, т»эбя воспитали как шлюху… — Он вспомнил, наконец, про застегку, рванул молнию, чуть не прищемив кожу, оторвал пуговицу, застонав, просунул пальцы под узкую ластовицу стрингов, туда, сквозь редкую белесую шерстку, в сладкую, заветную плоть, в мокрую горящую пещерку…

— Какой сладкий жар! Какая нежная истома! Девчонка закрыла глаза и закусила губу — кажется, поняла, что окончательно попалась. Как она стонет, как стонет

— Как давно уже у него такого не было! Да и было ли когда-нибудь?..

Конечно, одной Маликой он не ограничивался. Его жена — никогда бы не позволила себе того, для чего, собственно, и нужны любовницы. Поэтому любовницы были. Как правило, пышные скупающие разведенки. Но Расул был достаточно брезглив и осторожен, чтобы не ввязаться в многолетнюю привычку и ненужные обязательства, и аккуратно менял девок раз примерно в полгода-год. Да и надо-то было ему не так уж много — все время забирали дела. Но такого — одновременно нежного, наглого, трепетного, счастливого, юного, развратного и чистого — он просто не припоминал в своей жизни. Разум мутился. Юное нервное дыхание — губы в губы, сладкий стон, и вот уже она насаживается всем весом на разом промокшие пальцы. Шорты сползли на белые носочки, коленки у девчонки подгибаются, нежные лепестки пересохших губ раскрылись как цветок — и стоны, дивные звонкие стоны! Расул задрал эластичный топик, обнажая упругий, выпуклый, словно соска-пустышка, сосок, залюбовался, припал жестким ртом, покусывая, мучая, дразня языком, доводя до исступления извивающуюся на его напористых пальцах Анечку.

Аня понимала, что — всё. Ей не уйти. Не убежать от самой себя. От жестких рук, умелых губ, неостановимого, как локомотив, напора. Придется идти до конца. Это так сладко. И так страшно

Она вцепилась тонкими пальчиками в белую рубаху Расула, судорожно оттягивая ее от себя. Раздался треск ткани — лопнули и отлетели пуговицы, Расул задохнулся, рубаха распахнулась, обнажив рельефный, покрытый роскошной черной блестящей шкурой, торс с большими темными сосками, проглядывающими в густой курчавой растительности. Аня восхищенно вперилась взглядом в эту породистую красоту. Захотелось провести пальчиками по смуглой заросшей груди, вцепиться в жесткую блестящую шерсть и не отпускать. Присосаться губами к иссиня-коричневым соскам, вдыхая терпкий мужской запах. Расул проследил ее взгляд.

— Что, нравится? — спросил он, глядя в глаза и продолжая жестко наяривать пальцами в мокрой пиздёнке. Аня не поняла, к чему относился вопрос — к внезапно явившейся ее взору обнаженке либо к действиям его умелой руки. И лишь громче застонала, закрыв глаза. Да, ей все нравилось. И это пугало.

Ширинку ломило и распирало. Так хотелось скорее вставить в эти нежные губки! Расул нажал на округлый белесый затылок, заставляя опуститься девчонку на колени. Прижался выпирающей ширинкой к лицу, заставляя плоть хоть на немного успокоиться. Посмотрел ей в глаза тем взволнованным, беззащитным и умоляющим взглядом, которым мужчины всего мира смотрят в глаза собирающимся взять у них в рот женщинам. Достал.

«Какой красивый!» — машинально подумала Аня. Обрезанный, с блестящей гладкой головкой, прямой, как стрела, средних размеров, крепкий, толстый, разбухший от желания, с круглыми поджатыми яичками — оххх! — Аня, выдохнув, осторожно взяла его губами. Удивительное ощущение гладкого упругого ствола во рту, нежно скользнувшего по нёбу. Расул нажал на ее затылок, и Аня, закашлявшись, уперлась подбородком в яички, а носом — в лобок, вдыхая терпкий запах гениталий, впечатавшись щекой в курчавый, жесткий пах, вцепившись пальчиками в крепкие волосатые ляжки. Отступать было некуда. Внутри билась маленькая птичка смутного желания, а снаружи все выглядело так, что сама напросилась. Осталось только переступить через себя и рухнуть в этот омут с пугающе страстным,

требовательным, жёстко-красивым, зрелым восточным мужчиной. Запершило в горле, захотелось отвернуться, отвертеться от неприятной процедуры, Аня замотала головой, но поняла, что бесполезно: толстый член скользнул в горло и, прижавшись, замер там, мучительно перехватывая дыхание и вызывая спазмы. Аня, всхлипывая, мотала головой, с удивлением чувствуя, как предательски мокнет у нее между ног. Расул направил ее движения, и она почувствовала себя китайским болванчиком, с незапамятных времен стоявшим у бабушки в комод. Требовательные движения Расула заставляли ее ритмично двигать головой, насаживаясь на чувствительный орган, словно, не имея своей воли и желаний. Как будто так надо — и все тут. Ее никто не спрашивает и не должен. Рот переполнился слюной, потекшей на подбородок. Чувство престраннейшее. Но так надо, кажется, именно так и должно быть все…

… Расулу казалось, что он летит по небу, как в старой сказке про джинна. Ноги подгибались от горячей сладости. Из рта вырывались гортанные стоны. Возбуждение зашкаливало от мысли о запретном. О, Аллах! С ней, хотя бы, уже можно? Усилием воли заставил вспомнить себя, что, кажется, Зарема недавно ходила с подарком на день рождения. А, впрочем, какая теперь разница, лишь бы жена не узнала… Он по-своему любил и уважал Малику, но трахал ее всегда дежурно и по-быстрому, в супружеской постели, заваливая на спину и закидывая к себе на плечи ее смуглые волосатые ляжки. Втыкался сухим членом в родную горячую, до боли знакомую плоть, ритмично двигался, стараясь раскочегарить супругу, и вскоре кончал через положенные минуты. В последние годы ему все чаще казалось, что она просто терпит его постельные экзерсисы, словно мудрая всепрощающая мать неизбежные выходки глупого мальчишки.

С Лариской было всё проще. Роскошная тридцатилетняя шалава, отсосавшая у прежнего папика неплохую квартиру, она теперь жила его, Расула, периодическими подачками и нерегулярными визитами. С ней можно было не церемониться. Они понимали друг друга с полуслова. Расул обычно с трудом выдерживал подобие романтического ужина при свечах, с которым она его поджидала, понимая, что, в результате, так будет слаще. Рубиновое вино в игристых бокалах, легкая закуска, ненавязчивая музыка, разговоры ни о чем, долгие, пронзительные взгляды — к концу этой обязательной программы он обычно бывал настолько разогрет нетерпением, что почти без прелюдий набрасывался на страстное, опытное тело, бесцеремонно срывая хитроумный наряд. Его подогревало ее подобие возмущенного сопротивления, нравилось после всех этих глуповатых наигрышей в романтику грубо задрать ей на голову струящееся шелковое платье, махом стащить дизайнерские трусики и практически без предисловий одним движением вонзиться в роскошную подготовленную задницу, заставив орать ее вначале, глубоко стонать в продолжении и под конец завывать, вцепившись зубами в простыню. Заставить облизать, обсосать до миллиметра все закоулки его интимной зоны, виляя обкончанной дыркой и постанывая от удовольствия. Собственно, ради этих моментов он и держал ее в своей жизни, выполняя мелкие прихоти и заставляя порой неделями томиться в ожидании того мгновения, когда ему вновь приспичит позабавиться ее прелестями. Но вскоре и эти игры наскучили однообразием, и он стал всерьез подумывать о чем-то совсем новом…

… Это было чем-то совсем новым. Пугающим и манящим. Она была сейчас совсем взрослой. И не знала, нравится ли ей на самом деле это натужное взросление, прыжок через собственную голову. От глупости, пожалуй, однозначно. Она вдруг почувствовала, как его

сильные пальцы судорожно вцепились в ее белокурую шевелюру.

— Аххх, красавица мая, саси, сааси, д#187;евачка!!! — Он закрыл глаза и выгнулся. Рука напряженно гладила ее по голове, слегка захватывая и оттягивая волосы, и она вдруг удивилась этой внезапной ласке. Он ведь только что груб был с ней, и она воспринимала это как должное, как расплату за дерзость. Стоя на коленях с тыкающимся в рот толстым членом, она чувствовала себя тупо униженной. И вдруг — снова это осознание собственного могущества и#8230; нежность. Оказывается, так просто сделать мужчину ручным#8230; Он ласково, но властно оттягивал ее голову за волосы, и ей вдруг захотелось стараться сделать ему приятное, показать, как хорошо она может. А она же может#8230; Аня всосала на всю длину, натужно упираясь горлом, закашлялась, снова всосала, попутно работая языком, задевая устье головки.

Кажется, он уже немного сходил с ума. Опустил взгляд: раскрасневшееся, нежное, как цветок, лицо, расплывшаяся линия губ, плотно занятых членом, покорный взгляд увлажненных глаз, торчащие из-под задранного топики дрожащие пупырчатые сосочки. Девочка явно просится на член.

Поднял ее за волосы, грубо, жестко, подтянул к своему лицу и вдруг впервые в жизни сделал то, чего никогда раньше себе не позволял и о чем даже помыслить не мог без содрогания: прильнул своим ртом к бесформенным, мокрым губам, пахнущим его гениталиями, и, с наслаждением, долго-долго, нежно-нежно поцеловал взсос, упирая жесткий, горячий язык глубоко в небо. Их стоны и дыхания смешались, тела переплелись, и они сами не поняли, как оказались на просторном пыльном диване, стоявшем посреди холла. Толкнул ее на колени, уперев лбом в спинку дивана, со спущенными ниже колен трусами и шортами, в беленьких кроссовках со сползшими носками, сильно нажал на поясницу, заставив вывернуть наружу перламутровые створки мокрой раковинки#8230;

#8230; Перламутровые створки мокрой раковинки раскрываются навстречу#8230; Анечка держит в руке маленький подарок моря. Рядом смеется белозубый Амин. Родители опять гоняют на доске, перекинув дочь на инструктора по дайвингу. Анечке ничего не надо лишний раз объяснять про погружение — она с шести лет ходит в бассейн. Но когда Амин берет ее руку своей красивой мускулистой рукой, что-то странно ёкает внутри, и она словно лишается воли и дара речи, растворившись в его улыбке. Смеётся его красивый белозубый рот в обрамлении стильной бородки, смеются глаза и брови, все лицо в сиянии солнца. Он приобнимает Анечку, стоя по колено в воде, словно случайно прижимается мускулистой волосатой голенью к ее не успевшим загореть ногам, и Анечка чувствует странное волнение, и сомнение, и жар. Они спотыкаются в прибое и падают в соленые брызги, исчезая под водой, выныривают, задыхаясь, и Анечка впервые ощущает что-то очень важное, страшное, сладкое и притягательное. Амин смеется и светится на солнце. Светится маленькая перламутровая раковинка в его руке — подарок моря. Тогда, после шестого класса, на море, рядом с веселым, белозубым мужчиной, Аня впервые чувствует смутный прилив пугливой женственности.

Странно, откуда все это берется? Вот, только что была маминой девочкой — и вдруг, едва себя понимая, с трепетом прижимается обнаженной голенью к его жесткой ноге. Он смеется — над ней? Маленькой и глупой? Смотрит пристальным мужским взглядом, от которого пробирает дрожь, как на взрослую. Он играет с ней? Или она с ним? Он взволнован? Это так важно? По берегу навстречу идут веселые родители. Аня радостно кидается к маме, на бегу понимая, что сегодня не сможет с ней быть до конца откровенной#8230;

До конца откровенной, вывернуться до самого нутра, до дрожащей плоти; Выгнулась выжидательно и беззащитно. От этого стала еще желаннее. Отвернул ее голову, с силой упер лбом в спинку дивана, заставив попутно впечататься лицом в обивку. Вспомнил прозрачную капельку, зажмурился. Пристроился у высокого края, обхватив руками высоко выставленную белую попку, широко расставив ноги, навалился волосатым животом на нежные ягодички. Сдерживая дыхание, поводит разбухшей головкой по шелковистому входу, медленно, миллиметр за миллиметром, смакуя нежное и жесткое проникновение, застонал, проваливаясь в складочки, извилинки, припухлости, родную, безопасную, теплую, скользкую, сладкую влагу, в бездонную пропасть многообразия ощущений. Всегда одинаковых, всегда неповторимых. Анютка вскрикнула подстреленным воробушком и издала стон на высоких частотах. От этих нежных децибел окончательно снесло крышу. Хотелось снова и снова извлекать райскую музыку из волшебной игрушки.

— Дааааай, бл»ядь! — Вдруг вырвалось у него непонятно к кому или чему относящееся ругательство. Вцепившись в девичьи бедра, быстро-быстро, жестко-жестко задвигался, моментально выбив растерянные взвизгивания и испуганные высокие стоны. Наконец, с наслаждением, отпустил себя — и погнал, погнал, погнал, под музыку непрекращающегося женского визга, под хлюпанье и чавканье упругой узенькой перламутровой вагинки, теряя остатки разума, задыхаясь от бешеной гонки;

Задыхаясь от бешеной гонки, Анютка судорожно вцепилась в мускулистый торс Шабалкина. Летели навстречу августовские звезды, бешено ревел мотор «Хонды» — Шабалкин был сегодня в ударе и по очереди катал девчонок. За пару поцелуев, смеясь, заявил он. Девки попроще и пошалавистей сосались — только в путь. И только Нютка, пристраиваясь на теплой коже сиденья, смущенно фыркнула: «Я подумаю. Может, в щёчку». Она впервые каталась на мотоцикле. И это оказалось жуть как круто! И Шабалкин был страшно крут — в тертых джинсах, вечной клепаной косухе и высоких шнурованных ботинках. А уж в шлеме и вовсе выглядел как инопланетянин. Шабалкин давно бросил учебу и вечно калымил по халтурам, курил синий ЛМ, ходил с пивасом, намолотил себе на убитую «Хонду», перебрал её, и время от времени с визгом и ветерком катал местных девок. К Нютке относился со сдержанным уважением. А, может, она была для него еще маленькой. Они вылетели в поле, подскакивая на засохших колеях, сквозной ветер продувал до костей, и Анька все сильнее прижималась к теплой, трепещущей нараспашку косухе Шабалкина, цепляясь пальчиками за растянутую майку на его упругом животе. В шортах и топике было невыносимо дубово. Шабалкин вдруг резко заглушил мотор, встав посреди ночного поля. Выставил подножку. Обернулся. Снял шлем, повесил на руль.

— Замерзла, что ли, котёнок? — покровительственно-ласково спросил он, обаятельно надувая губы.

Аня от холода могла только мотать головой. Шабалкин снял косуху, повернулся, накинул ей на плечи, сидя в пол-оборота.

— Ну, слезай, погреемся! — вдруг сказал Шабалкин властно.

Анютка слезла, заворачиваясь в блаженное тепло косухи. Шабалкин подошел к ней близко-близко. От него пахло сигаретами и немного алкоголем.

«Блин, он пьяный за рулем» — с ужасом подумала Анька.

Шабалкин в белой обтягивающей майке тяжело дышал, играя мускулатурой. Ага, щас, все оценили красоту твою, Шабалкин, неповторимую. Ничего не выйдет! Анютка сейчас могла

думать только о том, как хорошо в теплой, прокуренной косухе. Карманы оттягивала мелочь, ключи, сигареты, мобильник, зажигалка, фонарик — обычная мальчишковая хрень. Не вылезать бы из этого уюта!

Шабалкин был совсем близко. Дыша пивом, притянул ее к себе за талию, задышал тяжело и часто, прижимаясь к ее животу жесткими швами джинсов.

— Нюта, девочка, какая ты нежная! Иди, согрею, тепленькая моя! — Нес какую-то неперевоодимую ерунду, в которой было больше междометий, чем смысла. Но Аня сразу поняла. Своим девичьим чутьем — дело плохо. Он сейчас просто так не отстанет. И больше всего на свете захотелось домой.

— Саша, не надо! — тихо и робко пробормотала, с трудом вспомнив имя. Для всех он был Шабалкин.

Кажется, он понял это как обычное женское кокетство. Стал еще напористей и развязней, еще сильнее вцепился и прижался, она ощутила нешуточные изменения в его организме, стало не по себе.

— Ну, как же «не надо». Очень даже надо! Ты, ведь, тоже хочешь? Хочешь, Нют? Было у тебя уже? Ну, скажи: было? — Он умоляющим и возбужденным голосом нес полную пургу, все меньше соображая, все больше распаяясь, слыша и осознавая только себя самого.

— Дурак! Отпусти! — Нютка по-настоящему испугалась и разозлилась, выкручиваясь из его рук. Но его хватка стала лишь злее и сильнее, его заводила и раззадоривала эта борьба. И это было совсем не нужно Ане.

С отчаянием оттолкнув его в грудь, дернулась назад, и со всей дури впечаталась обнаженной голенью в стальное пекло выхлопной трубы. Ощущение резкой боли накрыло ее не сразу, секунд через пять. Кожа заалела и свернулась лоскутом.

— ААааааайй!!! — выверился отчаянный крик. Козёл! Что ты наделал! Маааааа! Рыдания навернулись на глаза. В голове моментально сработал приемчик, которому давно научил ее отец. Со злостью с размаху двинула кулаком в подбородок и до кучи, двумя руками за волосы носом об острую коленку. От неожиданности он дернулся и не оказал сопротивления. Что-то хрустнуло. Из Шабалкинского носа закапала кровь.

— Скотина! Урод! — Она еще что-то кричала, косуха свалилась с плеч, а она поняла, что бежит как сумасшедшая в сторону ближайшего перелеска, захлебываясь слезами. Оглянулась на секунду — Шабалкин, согнувшись и отплеываясь, матерился около мотоцикла. Сука, какой вечер, гад, испортил! Так ему и надо. Она бежала, спотыкаясь, по тропинке, освещаемой луной, через лес, ближайшей дорогой к поселку и редела вздох. Нога зверски болезненно пульсировала, а в голове стучало назидание тренера: «Неспортивное поведение, Соловьёва, неспортивное поведение!»

«Неспортивное поведение, неспортивное поведение!» — ритмично стучало в голове. Эта мысль долбила ее в ритме члена Расула Анваровича. Ее мрачный, настырный партнер словно открывал ей другой мир. Жесткого напора и грубой страсти. Мира, где все страшно просто как стакан воды. Где нет места полудетской игре, интриге, долгому ухаживанию, напряженному ожиданию чуда, первой влюбленности, смущению и страданию от неразделенных чувств. Здесь люди, ни минуты не задумываясь о последствиях, делают что хотят, используют друг друга как животные для утоления своих инстинктов и расходятся, ни о чем не думая. Она словно силком затащила себя сюда через все ступеньки, которые должна была постепенно пройти, шаг за шагом, в свое время.

Она ощущала низкое удовольствие. Теплое, вязкое, жгучее удовольствие. Еще не успев толком осознать происходящее, понимала, что больше не будет прежней. Её поставили в позу подчинения и раскрыли возможность получать наслаждение от собственного тела. И чужого тела. Хотелось всё забыть, ни о чем не думать, сладостно мычать и двигать бедрами навстречу сладким, тугим волнам, властно распирающим внутренности. Она оглянулась. Лицо Расула исказилось. Он, закрыв глаза, толкался, вбивался в нее, купаясь в наслаждении. А она была инструментом этого наслаждения. А он был инструментом ее наслаждения. Их эгоистические наслаждения сливались в одно — огромное — на двоих. И в этом общем котле они еще лучше понимали и почти любили друг друга за кайф, даримый и ощущаемый партнером.

Шлюшка, сладкая шлюшка! Как она стонет, как выгибается, словно нарочно его манит и дразнит и заставляет бешено долбить ее сокращающуюся, изливающуюся выделениями блядскую плоть. На мгновение он вышел из нее, сдерживаясь и переводя дыхание, любуясь стекающими по ляжкам молочно-лунными брызгами;

Стекающими по стеклу молочно-лунными брызгами Аня налюбовалась на год вперед. Этот день она провела в комнате с видом на дождь. Наступила ночь. По стеклу бежали дождевики в мутном свете уличных фонарей. По Аниному лицу текли слезы. В наушниках задыхалась «Колыбельная для Беллы». Ну, что, прощай, детство! Прощай, Петраков!

Худощавый, флегматичный Петраков был ее тренером по плаванию и другом отца. Он вел ее много лет, с первых шагов, и почти что вывел в КМС. Сегодня на областных соревнованиях решалась ее судьба. И она совсем чуть-чуть не дотянула, всего полсекунды уступила этой долговязой торпедой из олимпийского резерва. Ей больно было видеть удрученное лицо Петракова. Он был для нее всем, она для него — многим, не только олимпийской надеждой. Он вкладывал в нее не только рабочее время и тренерские амбиции, но и душу. И она понимала это и старалась. Очень старалась. Не столько для себя, сколько для него. Сама бы она как-то пережила свое поражение. Многолетняя жизнь в спорте приучила философски относиться к неудачам, и, лишь сильнее собравшись, идти к новой цели. Но этот расстроенный взгляд, закушенную губу, невысказанный укор перенести было нереально.

Как назло, отец не ехал, чтобы забрать ее после соревнований. Они с матерью давно перестали ходить «болеть» за нее. Считалось, что она уже вполне взрослая, и делает все для себя. Нютка стащила шапочку с головы, в мокром купальнике тяжело дыша, виновато опустилась на скамейку в раздевалке рядом с Петраковым. Слезы навернулись на глаза, бесконтрольно заструились по лицу:

— Я старалась, Валерий Сергеевич! Я, правда, очень, очень старалась!

Ее трясло захлеб, слова не выговаривались, она уткнула лицо в ладони, сгорбилась. Такая маленькая, несчастная. Вот, надо это ему, а? Обычно все они подлетают в объятия родителей с радостью, обидами; Ему остается лишь изречь пару напутственных фраз. Но Женька с Ирккой, видите ли, считают, что все это глупости, и ребенок должен расти самостоятельным. И чего ему теперь с ней делать? Он неловко, негнущейся ладонью, погладил ее по светлым спутанным волосам.

— Ну, ладно, ладно, Ань; Чего ты. У тебя еще вся спортивная жизнь впереди. Соберешься, войдешь в форму. Через год всех их сделаешь! Ну, правда же?

Он улыбнулся и приблизил к ней свое лицо, поглаживая худенькое плечо.

— Ага! — Она вдруг захлеб вцепилась руками в его шею, прижалась всем телом, благодарно прильнула губами к уху, всхлипывая, забормотала куда-то в колючий, терпкий парфюм:

— Валерий Сергеевич, миленький! Вы один только меня понимаете! Простите меня, простите!

Она все крепче прижималась к нему, и это было отчего-то невыносимо. Больше всего он испугался, что сейчас войдут и застанут его в обнимку с ученицей. Гибкое, тренированное юное тело в мокром купальнике судорожно льнуло к нему, и он вдруг ощутил в ней не ученицу, но девушку. От этой мысли стало неприятно-тревожно. Он потянулся, чтобы встать со скамейки, она, не отлипая, потянулась за ним, обхватывая его за шею. Ему пришлось обхватить ее двумя руками за талию, чтобы ослабить нагрузку на шейные позвонки, и, разогнувшись, он понял, что стоит посреди раздевалки в костюме, а на нем маленьким щенком висит ревущая ему в ухо Анютка, и он аккуратно придерживает ее под ягодицы, чтобы не уронить.

Это было уже слишком. Глаза затянула мутная пелена. С силой оторвал от себя полудетские ручонки, оттолкнул, с усилием поставил на пол. Задыхаясь, выдохнул:

— Ты кончай это, Соловьева, а? Несportивное, понимаешь, поведение тут… развела! Она бы все поняла, но он был сейчас какой-то не такой, как всегда, даже когда ругался. Он был чем-то страшно смущен и напуган. Она вмиг это поняла своей маленькой любящей душонкой. Он был зол на себя, зол на нее, на весь мир. Он за что-то ненавидел ее, и ненавидел себя за эту ненависть. Он был страшно ЧУЖОЙ. Доли секунды ей хватило, чтобы осознать: их отношения никогда уже не будут безмятежно-прежними. Что-то сломалось и рухнуло. Он не будет для нее только поддержкой. Она не будет для него просто любимой ученицей. Аня молниеносно схватила спортивную сумку, кеды, одежду в охапку и вылетела из раздевалки, сразу за дверью впечатавшись в светлый джемпер отца.

— Поехали! — Скомандовала она, кидая ему сумку и на ходу, подпрыгивая, пихая ногу в джинсы. Отец ни о чем не спрашивал. Захочет — сама расскажет, такова была его немудреная педагогическая философия. Весь вечер она просидела у окна, глядя сквозь слезы на мутные капли, заливающие оконное стекло, а на завтра достала с антресолей фирменные ракетки и потопала в федерацию бадминтона к маминой подруге, давно приглашавшей ее к себе. На тренировках она со всей дури впечатывала в легковесный воланчик всю свою неразделенную любовь и невысказанную ненависть. И через три года заработала первый юношеский.

… Предгрозовая темнота накрыла поселок, заклубилась тучами над участком, в давно не мытых окошках гостевого домика сгустился душный мрак. Тело налилось тяжелым потным блеском. Расул неожиданно для себя опустил на колени и сделал то, чего даже не мог представить раньше в своем исполнении: с наслаждением прильнул губами к сочащимся влагой, теплым, терпким, упругим складочкам. Всосал их в себя, закрыв глаза, прислушиваясь к новым ощущениям. Он. Лижет. У женщины. Стоя на коленях. В этом не было ничего ужасного, унижительного, только его бесконечная нежность и ее доверчиво вздрагивающая юная плоть. Он протянул руку к соскам, потянул один вниз, не переставая с наслаждением работать языком. Анечка застонала и выгнулась, еще плотнее вжимаясь в его лицо промежностью. Она ощутила, как что-то неуловимо изменилось в их раскладе. Он больше не был грубой тварью. Он начал чувствовать и понимать ее. И она была ему бесконечно благодарна. Приятное тепло разливалось вниз. Она ощущала себя текущей сучкой и обожаемой принцессой одновременно. Расулу захотелось увидеть ее: стонущие губы, полуприкрытые в наслаждении глаза, гримасу страсти, увидеть, что он сумел сделать с этой дерзкой девчонкой, как смог распалить, развратить, расплавить в горячее масло…

Он отодвинул ее, сел на диван, глубоко откинувшись на спинку и расставив ноги с грубо торчащим вверх темным членом, повернул Анечку лицом к себе, раздвинул ее ноги, нажимая на талию. Уставшая Анютка уперлась руками в его плечи и стала медленно насаживаться, опускаясь бедрами все ниже. Он подставил окаменелый орган, направляя его рукой, любуясь тем, как искажается ее лицо по мере встречи нежных складок с гладкой, плавящейся темной страстью головкой, по мере грубого проникновения его распаленного друга в хлюпающие недра. Она опустила все своим весом до упора, откинула голову, со стоном закусил губу и мучительно подалась вперед мускулистыми бедрами, судорожно наваливаясь на него внезапно обмякшим горячим телом. Вот он и поймал на член эту маленькую упругую сучку! И только сейчас признался себе, как давно этого хотел. За окном сгущалась серая мгла;

Воскресенье; Весенняя серая мгла плескалась под ногами. Анечка приплюхала домой на автобусе. Последние две тренировки отменили, а мобильный отца был недоступен. Кажется, он сегодня собирался куда-то в область. Кинув рюкзак в прихожей, протопала в кроссовках на кухню. Ага. Опять в холодильнике какая-то капуста. Мать совсем помешалась на здоровом образе жизни. Пойти пошарить у родителей в тумбочке денег на хозяйство, купить колбасы с хлебом. Нюта взлетела по лестнице на второй этаж и замерла. Радио, что ли, забыли выключить? Сквозь громкую музыку из динамиков пробивались странные звуки: крики, взвизги, низкие стоны. Аня на цыпочках подошла к полуоткрытой двери и замерла, словно замороженная. Широкая родительская кровать напоминала поле боя: скомканные простыни, разбросанные подушки, свалившееся на пол одеяло. И посреди всего этого кипенно-белого безобразия вздрагивали на весу гладкие, загорелые ноги Вики — их новой инструкторши по фитнесу. А ее обожаемый папочка, вцепившись в узкие щиколотки, самозабвенно и методично драл Вику в упругую задницу. Крупный отцовский член в резиновом костюме, словно поршень, грубо входил в до неприличия растянутую дыру. «Так вот, чем меня сделали» — эта мысль первой пришла в голову. Второй мыслью было «Как он постарел!» Скорее, это была даже не мысль, а невербальное чувство. Что-то вроде жалости, смешанной с брезгливостью и унижением. Отец давно уже не напоминал светловолосого, белозубого мальчика. Аня увидела во всей красе рыхлеющее тело, намечающийся живот, легкие залысины, печать озабоченности и недоверия на лице. Он трахал Вику как в последний раз, словно боясь чего-то не успеть в этой жизни. Вика, оскалившись, по-сучьи рычала, закинув голову. Её дрожащая, набухшая, половая щель была словно облита прозрачным сиропом, круглые ягодицы аппетитно плющились от шлепанья отцовских гениталий. Высокие груди с крупными, темными сосками подпрыгивали, распавшись по обеим сторонам от тела. Темный хвост волос разметался по подушке. Когти в вишневом маникюре терзали и комкали простыни. Никогда. Ничего. Отвратительней. Аня. Не видела.

Она резко и бесшумно развернулась, птицей слетела по лестнице, схватив в коридоре школьный рюкзак и неслышно прикрыв за собой входную дверь, выскочила на улицу. Только здесь она опомнилась и дала волю чувствам. Перед глазами стояло красное марево. Дыхание остановилось. Слезы застряли где-то в горле. Сердце билось смутно и неровно под весенней курткой. Едва переставляя ноги, побрела куда-то на край поселка, где кончалась их фешенебельная улица и толпились разномастные кургузые домишки аборигенов, никем пока еще не выкупленные и не снесенные.

Почерневшая избенка приткнулась у самого оврага в зарослях торчащего из-под грязного

наста прошлогоднего сухостоя. Шабалкин сидел на оттаявших серых бревнах с бутылкой тёмного. В луже деловито купались вороны.

— Здорово, Шабалкин! — хмуро поздоровалась Анечка.

Он покосился на нее, прихлебывая из бутылки. С тех пор прошло полтора года. Шабалкин сходил в армию и вернулся все таким же. Как будто никуда не ходил, так и сидел на бревнах целый год в наушниках, с пивом и ЛМом. Только косуха стала чуть потрепанней. Да появилась новая жесткая складка у губ.

— А? — протянул он хмуро и неуверенно. — Какими судьбами, каратистка? Опять морду бить пришла?

После того случая он обходил ее стороной. Между ними не было сказано ни слова. Она молча лечила ожог и ни о чем не трепалась, он ходил с пластырем на носу и помалкивал. По пацанским понятиям, правильно она ему врезала. Пить меньше надо. Он и сам это понимал и не рыпался. И, все-таки, в глубине души, девчонка ему нравилась. Мелкая, а с характером. Он и в армии о ней вспоминал, хоть и разные они. У нее родители деловые, а у него только пьющая мать и старый дед. О чем им говорить-то? Да и вообще. Баб, что ли, нет?

— Как дела? — Машинально сказала она, думая о своем.

— Никак, — хмыкнул он. Вот, сижу бухаю. Выходной.

Нютка сама не знала, зачем сюда приперлась. Не к Зяме же идти с таким лицом. Добрая Малика начнет расспрашивать, а сегодняшнем происшествии она никогда не смогла бы никому рассказать, даже под страхом смертной казни. Ей еще самой надо попытаться все осознать, хоть это и нереально. Она присела рядом с Шабалкиным на бревна.

Шабалкин ритмично мотал головой в наушниках.

— Хочешь послушать? — Спросил он с довольным видом. — Нна!

Он вытащил из уха черный кружок на проводке и протянул Ане.

«Разбежавшись, прыгну со скалы!» — Долбаным вепрем заорал ей в ухо Горшок.

— Блин, Шабалкин, — удивилась она, на миг забыв о своих проблемах. — Ты откуда такое старье выкопал?

— Не понимаешь ничего, — недовольно проворчал Шабалкин, отнимая наушник. — Я еще и Цоя иногда слушаю. Небось, и не знаешь.

Знала, конечно, но сейчас было не до этого. От слова совсем. Она обхватила себя руками и вся сжалась, стараясь не глядеть на Шабалкина.

— Будешь? — покосившись, он протянул ей початую бутылку. Аня отрицательно помотала головой. Какое пиво! Послезавтра очередные соревнования.

— Хотя, давай! — она отняла у Шабалкина бутылку, поморщившись, заглянула в узкое пенное горлышко и отважно втянула в себя чуть не добрую треть. Хмель с непривычки зашумел в голове, стало тепло и приятно. Внутри что-то защипало, забурлило, оттаяло, и из глаз, наконец, потекли стоявшие в горле комом слезы.

— Нюют! — Шабалкин растерянно мотал головой. — Ну, ты чего? Чего ты? Случилось что? — Он неуверенно потряс ее за плечи. — Аань!

Нюта всхлипывала, уткнувшись в ладони. Ее повело, и она уткнулась в грудь к Шабалкину. Шабалкин неловко придержал ее, еще не понимая, что с этим делать. В нем боролись опасение быть в чем-то уличенным, чисто человеческое сентиментальное сочувствие и инстинкт охотника, почуявшего легкую добычу. Наконец, включилась соображалка.

— Ньют, ты, это, пошли в дом; Посидишь, успокоишься. Я сегодня один, дед в больнице, мать к нему поехала. Он что-то бормотал, обнимая ее за плечи и заводя в покосившуюся калитку, словно боясь спугнуть.

Домик и внутри был таким же маленьким. Большая «зала», она же кухня, да маленький дедов закуток за перегородкой. Посреди залы-кухни стоял продавленный диван, наверное, купленный еще шабалкинским дедом с первой полочки. У стены, обвешанной постерами с волосатыми музыкантами и голыми тетками, стояла довольно новая, но какая-то засаленная икеевская тахта. Аня сразу поняла, что это место Шабалкина. Одну стену занимала «кухня» — старый буфет, ручной умывальник над эмалированной раковиной, закопченная плита, хлам и крошки. На диване посреди «гостиной» развалился черный кот, старательно вылизывающий свалывшуюся шерсть.

— А ну брысь! — скинул его Шабалкин. — Садись, Нют!

Аня кинула на пол рюкзак, сбросила куртку на подлокотник, оставшись в аккуратной белой водолазке и черных брючках. Присела на продавленный, скрипучий диван, откинулась на спинку, оглядела закопченный потолок и серые занавески, вдохнула спертый, прокуренный воздух — и вдруг почувствовала, что, наконец-то, пришла домой. Туда, где не надо быть ни послушной дочкой, ни примерной ученицей, ни подающей надежды спортсменкой, ни даже лучшей подругой. Где можно расслабиться и просто быть собой. Анютой.

Шабалкин, сосредоточенно морща лоб, заглянул в дребезжащий холодильник.

— Это; — по-хозяйски цивильно сказал он. — Может, того; водки? Мать с утра картошки нажарила.

Аня помотала головой, глядя на него. «Года через два совсем сопьется, — промелькнула мысль. — Они все тут спиваются».

Шабалкин присел рядом, осторожно глядя на нее.

— Ну, чё там у тебя случилось? — спросил он, словно не будучи уверенным, что это его, шабалкинское дело.

— Да так; — неохотно выдавила Аня.

— Я в последний раз ревел в позатом году, когда батя умер. — Вдруг вспомнил Шабалкин. Он как-то сжался и надулся одновременно. — А мать на поминках сказала, что он мне неродной был. Всю жизнь с ним прожил — не знал. В шоке был. Все равно, плакал. Тяжело отца терять, знаешь;

«Знаю», — промелькнуло в голове. Зубы залязгали, накатили рыдания, Нютка уткнулась в ладони.

— Ньют! — Он взял ее за сжатые запястья. — Ньют! Ну, что ты, маленькая! Иди ко мне!

Шабалкин с судорожным вздохом притянул ее к себе. Вдохнув теплый запах мужского пота, прокуренной одежды и еще чего-то неповторимо-терпкого, Нюта услышала, как бьется в широкой грудной клетке под серой футболкой сумасшедшее шабалкинское сердце.

Дук-дук-дук; Его грудь высоко вздымалась и, прильнув к ней, Аня ощутила его с трудом сдерживаемое напряжение. Он судорожно сглотнул, чуть дыша. Руки его едва заметно дрожали.

— Аань; — низко-интимно протянул он. — А, Ань;

— Чего? — полусонно отозвалась Анютка с его груди. Она закрыла глаза. Ей было хорошо и тепло в объятьях Шабалкина.

— Тебе это; уже можно? — словно испугавшись самого себя, быстро проговорил он.

— Шаабалкиин, ты пьяан! — Пропела Анечка, не отликая от его грудной клетки. — Он вдруг истерично заржал, вздрагивая всем телом, и Анечка недовольно отстранилась от него.

— Гаа! Кто здесь пьян-то? Ты же полбутылки выдула, и теперь на мне сама валяешься! — Его лицо плавилось от смеха, шурились хитрые, близко поставленные глаза, плющились высокие скулы и широкие губы. Он вдруг перестал смеяться, крепко взял ее за предплечья, приблизил свое лицо к ее лицу и, наклонив голову, дыша пивным хмельком и сигаретным дымом, зажмурив глаза, властно присосался к ее губам широким, влажным ртом, глубоко просовывая в нее свой язык.

Это была какая-то пугающая, но приятная власть. Словно, Шабалкин точно знал, что нужно делать, чтобы им обоим было хорошо. В груди заняло. В промежности забился горячий источник, запульсировала теплая влага. Аня глубоко вдохнула и выдохнула с внезапным стоном, чувствуя себя Бог знает, кем. Шабалкин судорожно прижал ее к себе, заерзав на диване.

— Аня, Аня, Анечка, солнышко моё! Ну, давай, а? — Впадая в безумие, шептал ей в ухо.

«Что давай? Куда давай?» — В хмельной голове путались мысли.

— Шабалкин, не трогай меня! — Капризно всхлипнула она, снова падая головой ему на грудь.

— А то — что? Опять в нос дашь, что ли? — Засмеялся он, встряхивая ее за плечи. Его до жути забавляла и возбуждала эта маленькая глупышка. — Неет уж, сегодня ты точно моя! — Заявил он, тихо наглея.

Анька понимала, что он блефует, проверяя ее на вшивость. Но сил не было сопротивляться. А Санек с каждой секундой все зверел и серьезнел, наливаясь чем-то неотвратимым, пугающе-настоящим. Опрокинул ее на спину и навалился сверху всей тяжестью, розовея лицом, умоляюще глядя в глаза. Зло, нежно, выжидательно. Словно изо всех сил выдерживая паузу и давая ей шанс сделать ответный ход. Не дождался.

— Какая же ты красивая, Нюта! — Задохнулся, уткнувшись в ее ключицу, на мгновение замер, задвигал бедрами, застонал, натирая через джинсы об нее свое разбухшее достоинство. Его шершавые руки с плоскими ногтями полезли под водолазку, скользнув по животу и нашарив маленькие, упругие холмики груди. Он задышался. Краснел, пьянел, сходил с ума, наливался, как помидор, страстью, не находящей выхода.

Аня почувствовала себя куклой, тренажером каким-то. Все должно быть не так. Не должно быть все так буднично и примитивно. Нет!

— Шабалкин! — Заерзала она под ним, вырываясь. — Ты совсем дурак, что ли? В армию ходил, а ума не принес. — Она вертелась, отталкивая его в грудь руками, но его лишь сильнее распалила эта борьба. Он воспринимал ее как игру, и не желал отдавать своего.

— А после армии, знаешь, еще хуже на вас, девок, тянет. — Глядя ей в глаза мутным взглядом, доверительно сообщил он, и, оттянув ворот ее водолазки, взасос присосался к пульсирующей венке.

Он не понимал ее. От слова совсем. И от этого стало так обидно, так обидно. Аня лежала под ним, как кукла, и всхлипывала горькими хмельными слезами.

Он не сразу понял ее настроение. А, когда понял, замер, тяжело дыша и с трудом справляясь с собой. Ему было неприятно. Очень. Обламывалось жаркое удовольствие. К тому же, он чувствовал себя то ли в чем-то виноватым, то ли лохом. И это было самое противное. Чёрт. Он сполз с нее, потирая лицо руками, сел рядом, нашарил в заднем кармане смятую пачку,

наклонившись, чиркнул зажигалкой и задымил, нервно стряхивая пепел прямо на пол. Самому, блядь, хоть плачь!

Нютка сидела рядом, вся сжавшись и всхлипывая. Ему снова стало ее жалко. Может, и вправду, что случилось, а он тут — как баран. Но неудовлетворенность трансформировалась в бешенство и злость. И эти чувства боролись в нем, попеременно всплывая на поверхность.

— Блять, вот, за что вас, баб, не люблю — вечно хвостом накрутят — и в кусты. Не женюсь никогда, нах! Щас Колян позвоню, — мрачно сообщил он, играя в руке обмотанным скотчем черным кнопочным мобильником, — с получки бухла возьмем, по лебедям пойдём. Он сухо сплюнул на грязный пол, стараясь не смотреть на Аню.

Аня почувствовала себя одновременно несчастной и виноватой. Несчастной от того, что опять не нашла понимания, виноватой от того, что куда, дура, за пониманием поперлась. Этому душевному подонку с собой бы как-нибудь справиться.

Нюта нерешительно провела пальцами по его щеке. Шабалкин вздрогнул, как от удара током, и отчаянно сощурился.

— Извини, Шабалкин, я пришла не по адресу. — Грустно ответила она. Надо было идти. Она накинула куртку, подняла с пола рюкзак и двинулась к выходу.

Шабалкин сидел, тяжело дыша, с трудом переваривая происходящее. И что он на нее взъелся. Совсем же девчонка. Дууура. В паху больно ныло, сердце стучало, злость наплывала волнами поверх спокойствия и рассудительности. Меньше всего охота чувствовать себя лохом. А, может, не лохом. Может, так и должно быть между людьми — по-человечески. Организм отказывался это понимать. Секс-секс-секс — билось сердце. Да ну ее к черту, Аньку эту!

— Ладно, давай, до свидания! — Выдавил он, не зная, что еще сказать. Что тут скажешь: фигня полная.

Нюта шагнула в сторону двери и чуть не споткнулась, что-то хрустнуло под ногой: выпавшая из кармана связка ключей валялась под ногами, а стеклянный голубоглазый брелок раскрошился сотни крошечных слезинок.

— Ё! — Грустно сказала Анютка. — Это отец мне из Турции привез. На счастье.

И пожалела, что вспомнила. Лицо снова скривилось, слезы подступили близко-близко.

— Нюют, ну, чё ты! Из-за стекляшки сырость разводишь! — Удивился Шабалкин. —

Погоди-погоди! — Засуетился он, привстав с дивана и шаря по карманам. О!

В его руке оказался ключ, от которого он быстро отстегнул маленькую черненькую черепушку с рубиновыми глазами. Болтаясь на цепочке, череп словно смешно подмигивал переливающимися стразиками.

— На, Нют, возьми. Он тоже счастливый. Мне друг один в армии подарил. На счастье.

Только, я, все равно, невезучий. Может, хоть тебе с ним повезет! — Шабалкин, усмехаясь, кивнул на веселенькую черепушку. Присев на диван, отцепил разбитый брелок и быстренько приладил на его место свой подарок.

— Держи, принцесса! — Он даже как-то развеселился, и атмосфера разрядилась.

Нюта нагнулась и благодарно чмокнула его в губы. Шабалкин зажмурился и выдохнул.

— Спасибо, Саш! Ты даже не представляешь, как меня выручил. — Серьезно сказала она.

— Да ладно, чё там. — Смутился Шабалкин. — Ты это, не бойся, заходи. Починить, может, нужно что! И вообще

Кажется, его захлестнуло веселое смущение от собственной сентиментальности.

Улыбнувшись, Аня вышла в отчаянно плещущийся весенний воздух. Между ними сейчас неожиданно произошло самое главное — то, ради чего вообще всё. Вечерело. Она сжала в кармане маленькую черепашку «на счастье» и спокойно подумала о возвращении домой. Кажется, можно жить дальше»8230;

»8230; Наконец-то между ними произошло самое главное — то, ради чего все»8230; Как она двигается, кричит, и наливается страстью, и становится все горячей и уже»8230; Его яйца и бедра были абсолютно мокрые от ее выделений. Он впивался пальцами в ее ягодицы, ритмично покачивая ее на себе, жестко двигаясь ей навстречу. Это не она его — он ее трахал снизу. Ее тело тряслось, как туловище безвольной куклы, она распласталась на нем, ритмично натираясь сосками о шерстяной покров его груди, голова ее вздрагивала на его плече, и горячее дыхание обдавало шею, а низкие, протяжные стоны впивались прямо в ухо. Он задвигал бедрами еще сильнее и ритмичнее, раздвигая и сводя вместе ее ягодицы, сжимая их до боли, вползая пальцами в ямочку, к анусу, дразня маленькую дырочку, посылая ей дополнительное возбуждение. Анечка почувствовала, что ее накрывает волной неподконтрольного ей состояния. Шершавые яйца Расула Анваровича плющили ее мокрую, горящую промежность, словно, объясняя ей, что так и должно быть. Ее надо долбить, иметь, распалить, растряхивать, заставлять стонать и терять разум. С каждым движением ей хотелось, извиваясь, все тяжелей и плотней впечатываться клитором в его заросший лобок, в густую дорожку от паха до пупка. И в какой-то момент оттуда, снизу, выросла обжигающе-горячая судорога и огненными мурашками выстрелила-растеклась по каждой клеточке ее тела, до кончиков пальцев на ногах, сгибая ее пополам. Расул Анварович увидел, что она кончает, ахая, согнувшись, дергаясь, уткнувшись головой ему в ключицу. Это зрелище он не должен был пропустить — то, ради чего вообще все. В его возрасте было особенным удовольствием и предметом гордости заманить, развратить, распалить и довести до иступления юную, упругую самку. С нежностью и превосходством ощущать, что это все сделал он, и ей теперь некуда отступить. Он со всей силы оттянул за волосы ее голову, запрокинув назад, так, чтобы видеть ее лицо, искаженное пароксизмами страсти, мучительно-бесконтрольно изгибающееся тело, вздрагивающие распаленные соски»8230; Она билась на нем птицей, вскрикивая и щедро поливая его ляжки юным соком. Внутри у нее стало невыносимо горячо и узко, судорожно запульсировало, сильно сжимая его член»8230; Он почувствовал, что если не остановится, то кончит сию минуту, прямо в нее. Остатки разума подсказывали, что для этого она слишком юна и незащищена. И нереальным усилием воли он стащил ее с себя, все еще бьющуюся в судорогах оргазма. Придерживал руками, с трудом переводя дыхание, едва сдерживаясь. Надо подумать о налогах, тогда сразу все опустится. Но почему-то эта мысль не показалась ему смешной. Тело хотело только одного — удовольствия разрядки. Он еще жестче вцепился в ее попку, попадая пальцами между подушечками. И понял.

— Ложись! — Быстро уложил ее плашмя на диван лицом в подлокотник, слегка раздвинув ноги, сел на них, крепко зафиксировав своим весом, упираясь обнаженной головкой в мокрую, все еще пульсирующую вагинку. Провел руками по мускулистой спине, оглаживая, массируя, лаская, скользнул руками под тело, помассировал маленькие грудки, упругий, сжимающийся животик, добрался до попки, сминая и массируя ягодицы. Постепенно его пальцы приблизились к маленькой темной дырочке. Он нажал на вход, ощущая сопротивление. Аня дернулась и застонала. Безвольной куклой лежала она лицом вниз,

только что пережив первый в своей жизни мощнейший оргазм. Её потряхивало от удовольствия, тело наполняла сладкая истома, слезы благодарности наворачивались на глаза. И то, что Расул Анварович делал с ней, было уже лишним. И даже пугающе лишним. Она поняла, куда он клонит и напряглась. Сопротивляться и отказываться было бесполезно: слишком жестко она его спровоцировала, слишком многое позволила. Слишком сильно был он распален сейчас, и все-таки верх брало любопытство. Что будет, а? Они с Зямой уже успели полазить в порнушке, насмотреться всякого интересного, и Аня со стороны представляла, как это бывает, наслушалась секретных разговоров девчонок. Но сама была совсем не готова.

— Значит, ты уже не девочка? — Настырно массируя ее ягодицы, спросил Расул.
— Когда успела?

— Успела. — Коротко ответила Анечка. Пришло время — и успела. Ей нравилось ходить вместе с ним по улице. Они с Владиком были почти одного роста, светловолосые и голубоглазые, подтянутые, спортивные, словно потерявшиеся в детстве близнецы. Только он — чуть старше и опытнее. Его пристальные взгляды заставляли смущаться и опускать глаза. Он ждал, чего-то ждал от нее, но ей не хотелось об этом думать. Они дышали в одном ритме, словно тандем-велосипедисты, и ей казалось, что это навсегда, и иначе быть не может. Они слушали одну музыку на двоих, половиня наушники, держась за руки, чтоб не расставаться в толпе. Земля звенела под ногами мартовской капелью, вихрилась апрельскими ветрами, кругом были его друзья, ее подруги, ее выпускной класс и его спортивная карьера. Бесконечное головокружение, ночные звонки, бессонные мечты и пересохшие губы. Нежные, жаркие поцелуи, нескромные руки и томное желание познать большее; И однажды после вечеринки они поехали в чью-то пустую квартиру. Анюта была под хмельком, и мало, что помнила. Какую-то возню с одеждой, его уговоры-бормотание, ее слабое сопротивление, смутный жар желания, торопливые фрикции, легкую боль — и облегчение в конце. От того, что умудрился вовремя из нее выскочить, обкончав промежность. Проснувшись и протрезвев, она молилась только о том, чтобы не залететь, купила тест. Пронесло! Но с тех пор она боялась оставаться с ним наедине. И он на кого-то там переключился, а тут начались экзамены, и стало не до этого. Её почти сломила тоска по их отношениям. Она запомнила жар удовольствия, язык во рту, шарящие по ее телу руки, горячий фонтанчик в промежности. Время от времени, просыпаясь по утрам, она поглаживала в сладкой истоме свое оформившееся, повзрослевшее тело. Гладила пальчиком между губок, трогала сосочки, пытаясь вызвать те, приятные, но смутные ощущения. И этот Расул со своими бешеными, алчущими взглядами, припечатывавшими ее к стенке; Сегодня конкретно снесло крышу.

— А здэс? — Пальцы Расула стекли в морщинку между ягодиц, в самую интимную глубину, уперлись в испуганно сжавшийся анус.

— Не надо! — Промычала Анечка, уткнувшись в диванную подушку. Она понимала, что он хочет сделать с ней что-то нехорошее, неправильное, мучительное. Но что-то говорило ей, что она сама виновата в ситуации, и теперь надо идти до конца.

Расул Анварович раздвинул ягодицы, удивляясь нежности ее кожи. Инстинкт охотника манил его туда, в самую порочную глубину, к запретным наслаждениям, к привычному разврату. Он смочил слюной средний палец, нажал на узкую точку маленького ануса, преодолевая мучительное напряжение.

Попка была девственная. Он это понял по сопротивлению жестких мышц, не желающих

впускать даже палец. Не хотелось раздирать их насильно. Он привык к хорошо разработанной, подготовленной заднице. Эта узенькая малышка восхищала и одновременно раздражала его своей неопытностью. Хотелось уже дать понять, кто здесь хозяин ситуации. Научить подчиняться и получать удовольствие от подчинения. Это прямая обязанность женщины. И прямая обязанность шлюхи в постели. А в том, что он должен подчинить девчонку, у него не оставалось сомнения. Развратить, раздражить эту беленькую упругую попку, приучить получать натужное страдальческое удовольствие, сделать покорной, виноватой и зависимой от него. Расула аж передернуло. Он представил, как будет бегать она к нему по графику. По его графику. Ждать, молить, просить, отдаваться со всем жаром, безоглядно. Страстно и послушно выполнять все его желания и прихоти. Фантазия разыгралась, вдруг хлестнув через края. Он представил себе их будущий секс — жестокий, страстный, бесконечно разнообразный. Он использует это упругое юное тело, эту восхитительную трогательную неопытность, на полную катушку. Позволит себе, наконец-то все, о чем даже и не мечтал. У нее просто не останется выбора: ведь, она будет подчинена им навеки, без обратного пути. А когда она надоест ему — о, наверное, не скоро, но все же — он подарит ее кому-нибудь из своих друзей и партнеров по бизнесу. Готовую, горячую, развращенную маленькую сучку. Красная пелена застила глаза. Некогда возиться с узкой дыркой. Все еще будет. Пока надо достичь удовольствия побыстрее. Расул быстро перевернул Анечку на спину, словно безвольную куклу, заглянул в покорные, испуганные глаза, грубо и торопливо толкаясь, оседлал девичью грудку, прижав ягодицами торчащие соски, хрипло скомандовал:

«Покажи язык! Ну! Как ты н#187;ачала это д#228;лать!»

Он был тяжелым, нарочито грубым, и Аня понимала, что его это заводит. Но сама лишь мечтала о том, чтоб скорее закончился этот нервный фарс. Однако, любопытство и чувство собственной власти над мужчиной взяло верх. Она судорожно вздохнула под его жестким, мохнатым телом, провела по губам высунутым язычком и осталась с открытым ртом. Так было легче дышать, да и Расул словно озверел#8230;

Безудержная фантазия накрыла его с головой. Зажмуренные глаза и маленький, покорно открытый ротик, сносили крышу. Он сжал в ладонях белые грудки, задвигал бедрами, бешено протискиваясь взмокшим разгоряченным членом сквозь мягкую, теплую упругость.

— Дал#187;ше язык! — прорычал он, скользя шерстяной мошонкой по остреньким соскам и на излете взмаха проезжая распаленной головкой по мокренькому, тёплому язычку.

Неудобно, чуть дышит, а терпит. Молодец, девка! Будет послушной, будет бегать к нему, выполнять все приказы, снова несло воображением по волнам, будет давать ему и его друзьям, а когда надоест, когда надоест, заставит ее отдаваться первому встречному на улице или бывшим одноклассникам, снимать все это на телефон и приносить ему, язык дал#187;ше, я сказал, шире рот, вот так, еще, еще, еще, до боли, до завтрашних синяков сжал трясущиеся грудочки, вот так, ну, давай, стони, м#187;аленькая д#187;рян». Опять вся мокрая, хорошо, вздрагивай, вскрикивай, помни своё место, ааааа#8230;

В глазах потемнело, скрутило его судорогой сладкого страдания, согнуло пополам, кинуло всем телом вперед, темно-багровый дрожащий член уперся в стонущие девичьи губы, заливая лицо пульсирующими фонтанчиками долгожданной спермы. Анечка со стоном мотала головой, извиваясь всем телом. Вязкая субстанция залепила глаза, нос, стекала по щекам, попадая на язык, вкус был странным, и Анечка отчаянно мотала головой под белыми густыми

всплесками, отфыркиваясь и мечтая, чтоб это побыстрее закончилось. Но Расул только отчаяннее хрипел и сильнее вжимался пульсирующей головкой в ее сжимающийся рот. В какой-то момент он замер, словно не дыша и наслаждаясь ощущением звенящей пустоты во всем теле. Его переполняли тепло и благодарность. За окном начинался настоящий ураган. Что-то выло и грохотало. В полутемном, занавешенном снаружи сиренью домике сгустилась окончательная грозовая тьма. Они ощущали друг друга по блеску глаз, звукам хриплого дыхания и запаху разгоряченных тел и подтаявшего парфюма. Расулу вдруг захотелось обессиленно навалиться на нее всем телом и пролежать полчаса, обнявшись, слушая юное дыхание и ощущая теплый пульс. Но чувство уходящего времени подстегнуло его. Только теперь он понял, как долго они отсутствовали вдвоем. Надо собираться. Он глянул за окно. В небе громыхнуло, словно столкнулись два локомотива. Конечно, же состоящие из цистерн с водой. И с неба ливануло. Вылетать в такой дождь было бессмысленно. Расул опустился на диван, подвинув поднявшуюся Анечку. Она пыталась вытирать с лица быстро подсыхающую прозрачную слизь. Стало прохладно. По крыше домика забарабанили торопливые капли. Расул Анварович подтолкнул Анечку вниз, заставив опуститься на колени. Она доверчиво посмотрела снизу вверх в его глаза. Он подтолкнул ее голову к своему все еще мокрому паху, уткнув носом в лобок.

— Лижь, — коротко приказал он.

Это было намного проще, чем задыхаться под тяжестью его тела. Тоненьким язычком Анечка прошла по интимной зоне, с некоторым напряжением ощущая вкус спермы на своих губах. Расул направлял ее голову своей рукой, подталкивая к зонам, жаждущим нежности и ласки. Ему казалось, он вновь сразу же заведется, как мальчишка, настолько чарующе действовало на него присутствие Анечки. Стоя на четвереньках между его ногами, она старательно работала нежным язычком и двигала бедрами. Это сводило его с ума. Он почувствовал, что член вновь стал понемногу наливать тяжестью. Он даже засмеялся от удивления и удовольствия. Надо же: сам себя удивил. Ай да девочка!

Он потрепал ее по щеке со спрятанной за ней головкой и, подавшись вперед, руками раздвинул белые ягодицы, пытаясь вновь пробраться к точечке ануса. Он играл пальцами с окружностью, ласково гладил и слегка шлепал ее по попке, почесывал спинку, чувствовал себя удивительно комфортно. Он откинулся на спинку дивана, закрыл глаза и расслабленно застонал, вжимая белокурую голову в свой пах. За окном отчаянно громыхнуло, его обдало влажной волной запаха сирени, в пыльную духоту домика ворвалась вспышка молнии, запах улицы, грохот небесных сил и шум дождя, они услышали громкий, испуганный вскрик — и оторопевший Расул, и резко повернувшая в сторону двери голову Анечка — на пороге, озаренная вспышкой молнии, в промокшем насквозь платье и с мокрой слипшейся косой, вперившись в них безумным, непонимающим взглядом, натянутая, как струна, стояла с широко распахнутыми глазами Зарема